

**Проблемы истории Польши и России
в первой половине XIX в.
в методологических дискуссиях советских и польских
историков второй половины 1950-х гг.
(Из истории Института славяноведения РАН)**

Носов Борис Владимирович
Доктор исторических наук, заведующий отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: bnossov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4253-1259

Марней Людмила Петровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mlss@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6770-959X

Цитирование

Носов Б. В., Марней Л. П. Проблемы истории Польши и России в первой половине XIX в. в методологических дискуссиях советских и польских историков второй половины 1950-х гг. (Из истории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 407–440. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.03

Статья поступила в редакцию 09.07.2021.

Аннотация

В статье рассматривается дискуссия советских и польских историков по проблемам истории Польши и России Нового времени. Эта дискуссия нашла конкретное выражение в обсуждении в Институте славяноведения АН СССР в апреле 1957 г. подготовленного польскими учеными в Институте истории ПАН второго тома «Истории Польши». В дискуссии в контексте фундаментальных проблем истории Нового времени нашли отражение вопросы кризиса феодально-крепостнической

системы и генезиса капитализма, вопросы формирования польской нации, истории польского освободительного движения и польской культуры конца XVIII — первой половины XIX в. Указанная дискуссия была полезна как для российской, так и для польской исторической науки, поскольку способствовала расширению методологических возможностей и сферы конкретно-исторических исследований в обеих странах.

Ключевые слова

Россия, Польша, история Нового времени, методологические проблемы, Институт славяноведения АН СССР, второй том «Истории Польши» (Варшава, 1958), кризис феодально-крепостнической системы, генезис капитализма, польское освободительное движение, польская культура конца XVIII — первой половины XIX в.

Важные для советской и польской исторической науки содержательные дискуссии по существенным методологическим проблемам и конкретным вопросам исторической науки берут начало уже в конце 1940 — начале 1950-х гг. Об этом имеется достаточно обширная научная литература, как в Польше, так и в России¹. При этом в новейшей польской историографии преобладает мнение о «политико-идеологическом контроле» со стороны СССР» над исторической наукой в странах народной демократии, в том числе — над польской наукой. В частности, один из современных исследователей связей СССР и ПНР в области исторической науки, Ян Шумский, в русле этой концепции указал на важное политическое значение обобщающих трудов, в которых была бы сформулирована общая для обеих стран польская и советская версия истории Польши на основе марксистской теории смены общественно-экономических формаций. Создание таких трудов в обеих странах, подчеркнул Шумский, осуществлялось под контролем высших партийных инстанций². В российской литературе,

---

1 См.: Rutkowski T. P. Nauki historyczne w Polsce 1944–1970: zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa, 2007.

2 Szumski J. Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016; *Idem*. Kulisy tworzenia nowej marksistowskiej «Historii Polski» w latach 1950–1958 // Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki: polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. / red. L. Zasztowt. Warszawa, 2013. С. 245–262. См. также: Горизонтов Л. Е. «Ме-

напротив, отмечается, что развитие марксистской методологии и формирование общих подходов к изучению исторического процесса было обусловлено не столько директивами властей, сколько общностью социально-политического строя в СССР и в ПНР и потребностями развития самой исторической науки в новых общественно-политических условиях после окончания Второй мировой войны. Таким образом, развитие марксистской методологии в исторической науке отнюдь не может быть сведено к примитивному и, очевидно, политизированному тезису о так называемом «советском контроле».

В полной мере эти общие подходы применимы и к советско-польским дискуссиям 1950-х гг. по истории Польши и России первой половины XIX в., что нашло отражение в подготовке советской трехтомной «Истории Польши», вышедшей из печати в 1954–1956 гг. Дискуссии по поводу этого издания уже были ранее рассмотрены в польской историографии в духе изложенной выше концепции³.

В то же время, в 1950-е гг., в ПНР в Институте истории Польской академии наук проходила работа по созданию многотомной «Истории Польши». Это издание, с точки зрения ПАН и государственного руководства ПНР, должно было представлять собой основанное на марксистских принципах материалистического понимания истории и одобренное на государственном уровне изложение истории Польши с древнейших времен. Одновременно этот труд, что немаловажно, должен был послужить учебником для университетов по гуманитарным специальностям и, следовательно, сыграть важную роль в формировании мировоззрения и социалистического сознания среди студенчества, ученых и педагогов, а опосредованно и в польском обществе в целом.

Подготовка этого издания широко обсуждалась в Польше, прежде всего в научном сообществе. В этих дискуссиях принимали участие и советские историки, чему придавалось особое значение и в СССР, и в ПНР, о чем свидетельствуют как масштабы соответствующих ме-

---

тодологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // *Славяноведение*. 1993. № 6. С. 50–66; *Он же*. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая наука // *W kręgu historii historiografii i polityki*. Łódź, 1997. S. 103–126.

3 *Szumski J.* Polityka a historia. S. 241–271; *Romek Z.* Polsko-radzieckie dyskusje o «Istorii Polski v trzech tomach» w latach 1950–1959 // *Klio Polska: studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej* / red. A. Wierzbicki. Warszawa, 2004. S. 169–191.

роприятий, так и форма их организации (специальные научные конференции). Одна из таких конференций состоялась в начале апреля 1957 г. в Институте славяноведения АН СССР. Проведение этого мероприятия в Москве объяснялось тем, что в этом случае можно было привлечь к обсуждению более широкий круг советских исследователей, в том числе и ученых союзных республик: Белоруссии (БССР), Литвы (Лит ССР) и Украины (УССР). В конференции приняли участие только советские ученые. Стенограммы их рецензионных докладов и выступлений были направлены в Польшу, где в дальнейшем стали предметом рассмотрения со стороны польских коллег. Такая специфическая форма работы позволяла более точно и обоснованно сформулировать и изложить обсуждаемые проблемы и преодолеть понятный языковой барьер, а также сгладить возможные в ходе непосредственной дискуссии импульсивные или не вполне корректные высказывания. Разумеется, такая форма была более удобна и с точки зрения идеологического контроля, что также не стоит сбрасывать со счетов. На идейную атмосферу и характер данной дискуссии существенное влияние оказала общественно-политическая «оттепель», установившаяся в обеих странах под влиянием XX съезда КПСС и политического кризиса в ПНР 1956 г.

Дискуссия 4–5 апреля 1957 г. в Институте славяноведения была посвящена подготовленному польскими коллегами и выпущенному в 1956 г. специально для этого обсуждения тиражом в несколько десятков экземпляров макету второго тома «Истории Польши», который охватывал период с 1764 по 1864 г.⁴ Редакторами второго тома были выдающиеся польские историки Стефан Кеневич и Витольд Куля. Кеневич в дальнейшем многие годы входил в состав Комиссии историков России и Польши, внес выдающийся вклад в развитие научного сотрудничества двух стран⁵. В соответствии с содержанием тома дискуссия была посвящена в основном проблемам истории Нового времени и хронологически охватывала период последней трети XVIII — первой половины XIX в.

---

4 См.: *Королюк В. Д., Митина Н. П.* Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук // *Вопросы истории.* 1957. № 7. С. 207–210.

5 См.: *Носов Б. В.* Стефан Кеневич (1907–1992). К 100-летию со дня рождения // *Столица и провинция в истории России и Польши* / отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2008. С. 23–30.

Подробная стенограмма упомянутой дискуссии в Институте славяноведения находится в Архиве РАН⁶. К сожалению, она зафиксировала только доклады советских коллег. О позиции польских исследователей можно получить представление, с одной стороны, на основе содержания самого макета издания и его обсуждения в ПНР, а с другой — на основе реакции на него советских ученых, зафиксированной в стенограмме. Стенограмма как памятник исторической мысли времен «оттепели» и как исторический источник заслуживает специального исследования. В настоящей статье мы только кратко остановимся на отдельных, наиболее существенных, вопросах, имевших значение для выработки в дальнейшем подходов Комиссии историков России и Польши к разработке проблематики истории двух стран первой половины XIX в.

В дискуссии 4–5 апреля в Институте славяноведения приняли участие сотрудники института И. А. Хренов, И. С. Миллер, В. Д. Королук, Б. Ф. Стахеев, а также ученые из Московского и Львовского университетов, Института истории АН СССР, Института истории АН Литовской ССР и Института истории АН БССР. Ядро участников дискуссии составляли авторы опубликованной в СССР в середине 1950-х гг. трехтомной «Истории Польши».

Обсуждение тома указанного польского издания началось с вопросов о периодизации. Соответствующие дискуссии были характерной чертой развития историографии в СССР. Рассмотрение проблем периодизации было связано с важным в методологическом отношении представлением о единстве и непрерывности исторического процесса, в котором реализуются как эволюционные, так и революционные процессы, а сам характер развития носит неравномерный характер, сочетая в себе прогрессивные и реакционные тенденции. В этом отношении подход к периодизации в марксистской исторической науке принципиально отличался от формальных методов периодизации, применяемых иными направлениями исторического знания. При этом все советские участники обсуждения польского труда высказали те или иные критические замечания в отношении примененной в нем периодизации. В предисловии к опубликованному в 1958 г. тому было отмечено, что принципы периодизации были сформулированы в 1953–1954 гг., а основные периоды определены следующим образом:

---

6 Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Стенограмма совещания, посвященного обсуждению макета второго тома «Истории Польши», 4–5 апреля 1957 г.

1764–1795, 1795–1831, 1831–1864 гг. Таким образом, польские авторы косвенным образом выразили несогласие с замечаниями советских коллег и настаивали на собственном подходе к методике периодизации. В ее основу ими были положены этапы борьбы польского народа против политики разделов Польши со стороны абсолютистских режимов Пруссии, Австрии и России и за независимость страны. При этом в предисловии подчеркивалось, что концепция истории Польши основывается на истории народа и на исторически сменяющихся общественно-экономических формациях⁷.

Говоря в ходе дискуссии 1957 г. о примененной в томе периодизации, И. С. Миллер называл ее «в целом удачной», хотя и отмечал ее очень сложную конструкцию, «в которой некоторые подпериоды» имели, по его мнению, «скорее композиционный характер, а не строго периодизированный» (например, время Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., период кануна Январского восстания 1863 г. и повстанческий период 1850–1864 гг.). Он также подчеркивал обоснованность внутренней границы 1795 г. (поскольку потеря независимого государства существенно меняла условия развития капитализма)⁸. Д. Л. Похилевич (Львовский университет) и Е. И. Корнейчик (Институт истории АН БССР) высказали мнение, что примененные в томе хронологические рубежи не соответствуют принятым представлениям об этапах капиталистического развития страны⁹. Аналогичные суждения, но с точки зрения истории культуры, высказал и Б. Ф. Стахеев¹⁰. Особого мнения придерживались представлявшие Львовский университет историки Г. Ю. Гербильский и И. М. Нефедов, аргументируя свои замечания указаниями на специфику развития Галиции¹¹.

Очевидно, что высказанные советскими историками соображения не повлияли в итоге на примененную в томе периодизацию. А это в свою очередь свидетельствует, что методологические расхождения между польскими и советскими историками сохранялись, а их обсуждение носило творческий характер и позитивно влияло на развитие науки. Вместе с тем зафиксированные в стенограмме концепции и теоретические воззрения никак не могут быть истолкованы как якобы директивные. Высказанные мнения, напротив, в большей степени

7 Historia Polski. Warszawa, 1958. T. 2. Cz. 1. S. 1.

8 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 5–8.

9 Там же. Л. 34–38, 93.

10 Там же. Л. 201.

11 Там же. Л. 146, 157.

отражали напряженные дискуссии в советской исторической науке о периодизации Новой истории применительно ко всеобщей истории, к истории России и к истории Польши. Эти дискуссии в советской исторической науке продолжались, хотя и с разной степенью интенсивности, вплоть до конца 1980-х гг.

Немаловажную роль в ходе обсуждения сыграли вопросы исторической географии, вернее, ее политические и этнополитические аспекты, а именно проблема определения территориальных рамок Польши как субъекта исторического процесса и предмета изложения истории Польши как научного повествования. Так, участвовавшие в дискуссии историки из БССР, УССР и ЛитССР связали ее с определением своего рода исторической принадлежности и территориальных границ входивших в состав шляхетской Речи Посполитой белорусских, литовских и украинских земель. Например, Е. И. Корнейчик поставил вопрос, какие территории имели в виду авторы тома, когда писали о «национальном рынке» применительно к XVIII столетию и особенно к последующим периодам и как в этом случае следует рассматривать этот вопрос применительно к белорусским землям, имея в виду и определение их территориальных границ?¹² В этом же духе высказался И. М. Нефедов, говоря о «чисто украинских» городах», таких как Львов. По его мнению, в период после разделов Польши «нельзя таким способом отождествлять украинские земли с польскими»¹³. Аналогичным образом рассуждал Е. И. Корнейчик, предлагая исключить из тома раздел, посвященный экономическому развитию Литвы и Белоруссии в 1850–1860 гг., поскольку они входили тогда в состав России¹⁴. В связи с проблемой разделов Польши Ю. И. Жюжда (Институт истории АН ЛитССР) отметил как позитивный факт указание в обсуждаемом томе на «особый характер» (по национальной принадлежности) отторгнутых Россией территорий, а именно, что в область российского «захвата» не были включены исконные (этнические) польские земли¹⁵.

Примеры подобного рода «придинок» украинских, белорусских и литовских историков к польским авторам можно было бы продолжить. Разумеется, в них можно усмотреть довольно характерный для представителей советских союзных республик «национальный уклон». Однако нельзя признать справедливым и тем более обоснованным

---

12 Там же. Л. 94, 96.

13 Там же. Л. 167–168.

14 Там же. Л. 108.

15 Там же. Л. 125–126.

ваным вывод ссылавшихся на такого рода примеры ряда новейших польских исследователей, что анализ исторического процесса в историографии СССР и ПНР 1940–1950-х годов якобы основывался на методологии презентизма. При этом под презентизмом они понимают перенос в прошлое границ СССР и ПНР, что якобы создавало искаженную картину «литовско-русских территорий бывшей Речи Посполитой»¹⁶. Это явление, по их мнению, может трактоваться как проявление «этнического национализма», парадоксально сочетавшегося с «империалистическим национализмом» в принципе «интернационалистической» советской историографии¹⁷.

Следует подчеркнуть, что приведенные рассуждения не имели ничего общего с методологией как советской историографии, так и историографии ПНР. Историческая наука в СССР изучала все исторические общности в их взаимосвязи и историческом развитии, существовавшие на той территории, которая в дальнейшем была очерчена границами СССР. Таким образом, предметом изучения советской историографии был исторический процесс с древнейших времен и до наших дней, что не имеет ничего общего ни с презентизмом, ни с прочими упомянутыми «измами». Вместе с тем применение указанного принципа для польской историографии имело немаловажное значение, в частности и потому, что исторические границы Польши претерпели на протяжении веков кардинальные изменения. Поэтому примененные в исследуемом обобщающем труде, в том числе и во втором томе, принципы непрерывности и преемственности исторического процесса в полной мере распространялись и на польскую историю независимо от содержания отдельных периодов и установленных для них пространственных рамок или географических и политических границ.

В отличие от вопросов периодизации и пространственных характеристик исторического процесса, главное внимание при обсуждении макета второго тома со стороны советских историков было уделено социально-экономической проблематике. В центре обсуждения стояли вопросы разложения феодально-крепостнических отношений, генезиса и развития капитализма. Советские участники обсуждения единодушно одобрили принципиальную позицию польских коллег, положивших

---

16 *Stobiecki R.* Historia pod nadzorem: spory o nowy model historii w Polsce: (II połowa lat czterdziestych — początek lat pięćdziesiątych). Łódź, 1993. S. 67–75.

17 *Stobiecki R.* Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana: studia i szkice. Warszawa, 2007. S. 69–85.

в основу представленной в томе концепции истории Польши XVIII–XIX вв. марксистскую теорию общественно-экономических формаций и диалектического процесса перехода от феодализма к капитализму. Вместе с тем, по мнению некоторых советских коллег, социально-экономическая проблематика была представлена в обсуждаемом томе «наиболее слабо» (прежде всего — в области аграрных отношений), и требовала «более или менее значительного расширения»¹⁸. Конкретные замечания были высказаны по целому ряду существенных вопросов. Так, Д. Л. Похилевич (Институт истории)¹⁹ расценил как «весьма проблематичное» утверждение польских историков о начале развития капитализма в сельском хозяйстве на территории Речи Посполитой уже во второй половине XVIII в. По его мнению, развитие денежной ренты и отмеченные факты применения наемного труда (особенно кабальный характер найма) не свидетельствовали сами по себе о капиталистическом развитии. Тем более что указанные явления в достаточно значительных масштабах наблюдались и ранее на польских землях, уже в XVI–XVII вв. Похилевич настаивал, что решающим признаком развития капитализма в сельском хозяйстве является социальное расслоение деревни и появление сопутствующих этому процессу форм классовой борьбы, чего явно не наблюдалось на польских землях, по меньшей мере, до 1820–1830-х гг.²⁰

Проблему развития товарно-денежных отношений в деревне затронул также Е. И. Корнейчик, однако он в духе классического марксизма рассматривал его как универсальный процесс, составлявший фундамент буржуазного развития²¹ без учета специфики участия помещичьего (шляхетского) хозяйства в сфере товарного производства. При этом белорусский историк справедливо полагал, что изучение процесса разложения феодализма и генезиса капитализма требует более глубокого обоснования, т. е. расширения источниковой базы исследования и применения статистических методов анализа конкретного исторического материала²². Заметим, что этот тезис ученого во многом предвосхитил дискуссию 1960–1970-х годов и появление в СССР направления и школы количественных методов в исторических исследованиях.

18 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 33, 92, 159.

19 Там же. Л. 36–54.

20 Там же. Л. 33, 92.

21 *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1937. Т. 16. Ч. 1. С. 440–450.

22 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 92.

Говоря о конкретных проблемах развития товарно-денежных отношений на польских землях, Корнейчик, помимо аграрной сферы, особое внимание уделил развитию городов как центров ремесла и торговли, что, с точки зрения материалистического понимания истории, было главным условием генезиса капитализма. Вопросы буржуазных тенденций развития польских городов затронул Д. Л. Похилевич в связи с упоминанием в польском труде мануфактур Антони Тизенгаузена. По мнению советского историка, появление такого рода предприятий не свидетельствовало о развитии капиталистических отношений, а напоминало попытку «наливания нового вина в старый бурдюк», то есть приспособления новых форм организации производства к феодальной системе²³. При этом, по его мнению, быстрый упадок такого рода мануфактур свидетельствовал, что феодальная система в целом была еще достаточно сильна, чтобы подавить ростки новых производственных отношений. Вместе с тем Похилевич поддержал позицию авторов тома, относивших зарождение капиталистических отношений ко второй половине XVIII в., предложив уделить больше внимания характеристике именно этого периода, «чтобы изменения в сельском хозяйстве рассматривать на фоне развития городов и промышленности», которые «на самом деле инициировали развитие капитализма». Он также рекомендовал «вслед за советскими историками этот процесс растянуть до середины XIX в.». При этом следует заметить, что последнее высказывание было адресовано в большей степени советским ученым, поскольку польские авторы придерживались в обсуждаемом томе именно изложенной концепции. Продолжая эту дискуссию, Похилевич привел целый ряд возражений против направления в советской историографии, отстаивавшего тезис о «раннем генезисе капитализма» в России и на востоке Европы. В подтверждение своих рассуждений он, в частности, ссылался на данные об экспорте зерна в XVII–XVIII вв., усомнившись в распространенном в советской историографии тех лет тезисе об «экономическом феодально-крепостническом кризисе в конце XVII в.»²⁴.

Обращает на себя внимание, что поставленные советскими историками в ходе обсуждения труда польских коллег вопросы отражали не столько замечания к представленному тексту, сколько дискуссии, развернувшиеся в советской исторической науке начиная со второй половины 1950-х гг. Прежде всего это вопрос о феодализме как обще-

23 Там же. Л. 41.

24 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 42–43.

ственно-экономической формации и о его особенностях в Восточной Европе («к востоку от Эльбы»). Марксистская историография по проблемам перехода от феодализма к капитализму опиралась на данную Ф. Энгельсом характеристику крестьянской войны в Германии как попытки буржуазной революции, на его концепции формирования национальных связей и национальных (централизованных) государств на основе развития товарно-денежных отношений, роста городов, эволюции городского сословия и формирования классов буржуазного общества. Марксистские представления о формировании буржуазных связей и национального рынка применительно к истории России были в концентрированном виде сформулированы В. И. Лениным в его известном высказывании о начале «нового периода русской истории примерно с XVII века»²⁵. Именно в 1950-е гг. соответствующие труды Энгельса, впервые публиковавшиеся на русском языке с конца 1930-х гг., и высказанные им идеи стали предметом широкого обсуждения историков-марксистов в СССР и в странах народной демократии, в частности и среди польских историков.

Применительно к истории России и Польши XVIII–XIX вв. указанные концепции вызвали дискуссию об особенностях политической централизации государств XV–XVII вв. в Восточной Европе, где единые государства создавались на основе централизации феодального землевладения и где централизация в Польше так и осталась незавершенной, что привело в итоге к господству магнатории в шляхетской республике (в Речи Посполитой). Еще одним направлением упомянутых дискуссий стал так называемый «спор» о раннем или позднем формировании национального рынка (генезисе капитализма) в России и в Польше. Сторонники второго подхода полагали, что «капиталистический уклад» как более или менее устойчивая и воспроизводящая себя система производственных отношений формировалась в обеих странах при условии господства феодализма («крепостничества») не ранее второй половины XVIII в. С этой точки зрения рассматривался вопрос о характере аграрных отношений, в частности «расслоения крестьянства», т. е. формирования в крестьянской среде классов буржуазного общества. Сторонники «позднего» развития капитализма относили этот процесс только к пореформенному времени, т. е. к периоду после отмены крепостничества в 1860-е гг. и завершения крестьянских реформ на польских землях. Как

---

25 Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153–154.

свидетельствует содержание обсуждаемого тома, его редактор Витольд Куля и его соавторы были сторонниками концепции «позднего» развития капитализма в Польше, хотя и отмечали особенности (в том числе и по хронологии) для областей, захваченных Пруссией, Австрией и Россией. К концепции «позднего» формирования капитализма склонялись и выступившие советские ученые. В этом же духе развивалась в ходе обсуждения и дискуссия о польской мануфактуре XVIII в. Она вполне соответствовала аналогичной дискуссии, проходившей в 1950–1970-е гг. в СССР. Одна точка зрения, основанная на принципе технологического детерминизма, представленная тогда в трудах академика С. Г. Струмилина, сводилась к утверждению, что «мануфактура не может не быть не капиталистической»²⁶. Оппоненты этой концепции, основываясь на социальном анализе, указывали, что мануфактура, применявшая труд крепостных и работавшая для удовлетворения потребностей государственной казны, королевского двора или двора крупного магната, с точки зрения производственных отношений представляет собой феномен феодального, а не буржуазного общества. Сторонники этой концепции доказывали, что возникшая в феодальном обществе мануфактура компенсировала относительную неразвитость ремесленного производства и по своей функции в системе общественного разделения труда по типу подразделялась на казенную (государственную), вотчинную, купеческую и крестьянскую. Только в рамках двух последних форм, и то не ранее второй половины XVIII в., по их мнению, формировались элементы капиталистической эволюции, связанные с «работой на рынок» и с использованием наемной рабочей силы.

Таким образом, характер дискуссии по социально-экономическим проблемам между польскими авторами второго тома Истории Польши и его советскими рецензентами отражал актуальные вопросы и для советской, и для польской исторической науки, соответствовал общим задачам научного поиска и в теоретическом плане (в рамках данной проблематики) находился на передовых рубежах исторической науки своего времени. Во всяком случае, данное обсуждение никак не может рассматриваться как пример директивного внедрения некоего догматического подхода, хотя бы потому, что в 1950–1970-е гг. все эти вопросы представляли собой предмет острых теоретических дискуссий, находивших выражение в монографических исследованиях по конкретным историческим вопросам и обобщающих научных трудах.

---

²⁶ Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет. М., 1935.

Эта традиция свободной научной дискуссии получила в дальнейшем развитие и в деятельности созданной в 1965 г. Комиссии историков СССР (России) и Польши.

Особое место в выступлениях советских рецензентов в ходе апрельской конференции в 1957 г. в Институте славяноведения занял вопрос о кризисе феодально-крепостнической системы в Польше в первой половине XIX в. При этом речь шла не только о проявлениях кризиса, о его существенных чертах, хронологических рамках и этапах, но и, что немаловажно, об особенностях кризиса крепостничества в разделенной на части Польше. Так, по мнению Е. И. Корнейчика, авторы польского труда не привели достаточных обоснований выдвинутого ими тезиса о «кризисе феодального строя в 1830–1840-е гг.», не показали на конкретных примерах, «как развитие производительных сил сковывалось производственными отношениями». Он также полагал, что «очень мало и неубедительно написано о крестьянском движении» этого периода, и в целом предлагал уделить больше внимания «социальным переменам, произошедшим в деревне и в городе под влиянием капитализма»²⁷. В том же духе высказался и И. М. Нефедов, приведя обширный перечень разного рода замечаний научно-редакционного характера по социально-экономической проблематике²⁸. В частности, по его мнению, польские авторы «недооценили» значения «обезземливания крестьянства», в чем Нефедов усмотрел «уступку шляхетско-буржуазной историографии»²⁹.

Рассматривать детально замечания советских историков по вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы в первой половине XIX столетия (в преддверии революции 1848–1849 гг.) едва ли целесообразно. Если отвлечься от применяемых и в СССР, и в ПНР разными исследовательскими школами методологических подходов и соответствующей терминологии, то сам факт кризиса единодушно признавался в обеих странах. Как тогда говорили, о «кризисе крепостничества» неопровержимо свидетельствует, по мнению всех исследователей, политика в крестьянском вопросе властей Австрии, Пруссии и России, в состав которых входили и земли разделенной Польши. Однако по вопросу о конкретных проявлениях этого кризиса и его хронологических рамках в советской историографии и в историографии ПНР в 1950-е гг. развернулась широкая дискуссия, продолжавшаяся практически до

---

27 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 92–108.

28 Там же. Л. 159–180.

29 Там же. Л. 159–160.

рубежа 1970–1980-х гг. Она и нашла отражение в рефератах советских участников обсуждения макета второго тома. Эта дискуссия, в частности, показала, что политика абсолютистских монархий Австрии, Пруссии и России, направленная на консервацию крепостнических и полукрепостнических отношений в интересах сословного господства дворянства и сохранения дворянского землевладения, в 1830–1840-е гг. предполагала также проведение ряда более или менее паллиативных реформ, направленных на недопущение пауперизации крестьянства, то есть на смягчение негативного влияния на него капиталистического рынка, на поддержку крестьянского хозяйства, в том числе и для сохранения платежеспособности последнего как податного сословия. Проводя в интересах казны покровительственную политику в отношении отечественной промышленности и торговли, власти трех держав вместе с тем противодействовали обнищанию и пролетаризации сельского населения и городских низов. Сознывая отставание своих государств в научно-техническом и технологическом отношении от передовых стран Западной Европы, они содействовали развитию народного просвещения и внедрению передовой техники. Разумеется, отмеченные тенденции тормозились в условиях полуфеодальной организации общества, однако, с другой стороны, развивающиеся и нарастающие противоречия капиталистической системы на востоке Европы были относительно сглажены и проявились не столь ярко, как, например, в Англии XVI — начала XIX в., на историческом опыте которой строили свои теории Маркс и Энгельс. В развернутом виде противоречия капитализма проявились в России и в Польше значительно позже, только во второй половине XIX столетия, когда для обеих стран стал центральным вопрос о судьбах капитализма и в России, и на польских землях.

Отдельно стоит остановиться на замечании советских коллег по вопросу о развитии крестьянского движения в XIX в. в России и в Польше. Этой проблеме и в СССР, и в ПНР было посвящено значительное число научных трудов, творчески и новаторски продолживших традиции классической российской и польской историографии. Среди них выделяется фундаментальный исследовательский проект под руководством Н. М. Дружинина. Задачей подготовленного под его редакцией 10-томного издания исторических источников было собрать в едином корпусе все свидетельства «антикрепостнических» крестьянских выступлений в России³⁰. Однако и в этом случае полученный ре-

---

30 См.: Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. / под ред. Н. М. Дружинина. М., 1959–1968. Т. 1–10.

зультат свидетельствовал только о том, что в первой половине XIX в. (с 1796 г. до конца 1860-х гг.) максимальный подъем крестьянского движения в стране приходится на 1861 г., когда была провозглашена отмена крепостного права. Вместе с тем следует отметить, что история крестьянства, крестьянского движения и в целом аграрного вопроса в истории России и Польши XIX — начала XX в. имеет богатую традицию в российской и польской историографии. Указанные проблемы глубоко изучались, начиная с 1870-х гг. и на протяжении всего XX века, не только историками, но также экономистами и юристами, не говоря уж об обширном публицистическом наследии. Эти многочисленные исследования создавались с различных классовых и политических позиций, под влиянием различных научных школ, а также политических движений и партий. Одни авторы рассматривали крестьянский вопрос через призму интересов крупных помещиков (землевладельцев), другие — в духе идеологии народничества. Даже среди марксистов можно выделить по меньшей мере три различных подхода к проблемам аграрной эволюции России и Польши в XIX в. Лучшие из этих трудов, в том числе и созданные авторами правых общественно-политических взглядов, оказали существенное влияние на воззрения историков СССР и ПНР, поэтому не вызывает удивления замечание И. М. Нефедова, отметившего это влияние, хотя и расценившего его как «уступку шляхетско-буржуазной историографии»³¹.

Проблема развития капитализма и формирования национального рынка была, с точки зрения советских рецензентов второго тома труда польских коллег, самым тесным образом связана с вопросом о формировании польской «буржуазной нации». Процесс этот, подчеркивали советские ученые, нуждается в более детальном и глубоком рассмотрении, что, по словам Е. И. Корнейчика, «лучше всего провести с опорой на наиболее ценные результаты советской науки»³². Развивая выдвинутый тезис, белорусский историк предложил дополнить соответствующий раздел второго тома текстом о «главных чертах национального характера поляков». При этом он констатировал, что польская шляхта оказывала сильное влияние на формирование национального сознания, а следовательно, и на сознание «народных масс». По мнению Корнейчика, хотя и выраженному в стенографической записи достаточно сумбурно, национальное сознание представляло собой диалектический синтез различных, порой противоположных

---

31 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 159–160.

32 Там же. Л. 111–112.

классовых тенденций, однако, по его словам, «шляхетский отпечаток ни в коей мере не порочит национальный характер народных масс», поскольку у господствующих классов и угнетенных масс «разные психические черты»³³.

Суждения советских историков по поводу формирования польской «буржуазной нации», высказанные при обсуждении макета второго тома, показывают, что существенных разногласий по этому вопросу с польскими коллегами у них не возникло. Возможно, что общая точка зрения была выработана советскими и польскими исследователями ранее. Однако важно отметить, что в этом вопросе и в советской, и в польской историографии начиная со второй половины 1950-х гг., что нашло отражение и в ходе описанной дискуссии, проявилось стремление отойти от догматического толкования определения нации, данного И. В. Сталиным. Новые подходы обозначились в расширении спектра социокультурных явлений, характеризующих нацию как историческую общность, в более сложном представлении о диалектике сочетания сословных и национальных форм организации общества, наконец, в существенном расширении хронологических рамок процессов и движущих сил формирования наций и соответственно — национальной культуры³⁴. Примечательно, что эта дискуссия относилась не только к польской нации, но и к русской нации, и к другим нациям Центральной и Восточной Европы. Свою роль в развитии упомянутой дискуссии сыграл и выдвинутый во второй половине 1940-х гг. тезис Сталина о «народах — творцах истории». Тезис этот, политически направленный на теоретическое обоснование системы народной демократии, прозвучал неожиданно для советских философов и историков. Последние оказались в затруднении, как согласовать его с марксистскими воззрениями, что в основе исторического процесса лежит борьба классов, и с марксистской теорией классовой структуры общества. Выход был найден в противопоставлении «народных масс» и «правлящих верхов», при этом из среды последних к народным массам причислялись и те социальные группы, которым в конкретных исторических условиях принадлежала так называемая «прогрессивная роль».

33 Там же. Л. 111–112.

34 См.: *Фрейдзон В. И.* Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70–80-е годы (Историографические заметки) // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1991. С. 7–34.*

В духе такой диалектики взаимоотношений народных масс и правящих верхов советские участники дискуссии 1957 г. в Институте славяноведения высказались о трактовке польскими авторами разделов Польши. В самом начале И. С. Миллер с одобрением констатировал, что представленное в томе понимание разделов Польши «свободно от националистических влияний»³⁵. В дальнейшем В. А. Голобуцкий (Институт истории АН УССР) и Е. И. Корнейчик подчеркивали, что разделы стали возможны вследствие предательства «феодалной аристократии»³⁶.

Особое место в выступлениях советских рецензентов занял вопрос о революционном качестве восстания Тадеуша Костюшко. Они единодушно поддержали польских коллег, характеризовавших восстание как акт освободительного движения революционной эпохи, в котором восставшая шляхта повела за собой народные движения горожан и крестьян, и вместе с тем указали на классовую ограниченность дворянской революционности³⁷, подчеркнув «неуместность» признания магнатов такими же патриотами, как и «тысячи настоящих патриотов из народа» (Е. И. Корнейчик)³⁸. Однако в ряде случаев советские рецензенты отступали от этой универсальной схемы. Так, В. А. Голобуцкий, рассуждая о деятельности магнатской группировки Чарторыских («фамилии»), высказал мысль, что в отличие от «настоящих магнатов» (Потоцких и Радзивиллов), Чарторыские в середине и во второй половине XVIII в. выступили сторонниками «прогрессивных реформ», за преодоление шляхетской анархии, что в своей политике «фамилия» и ее сторонники ориентировались на поддержку России — все это, по мнению Голобуцкого, заслуживало более позитивной оценки³⁹. В этой позиции нашло отражение распространенное в советской историографии начиная с 1940-х гг. представление о прогрессивном содержании в России централизаторской политики царской власти XVI–XVIII вв. (и в Европе в целом — королевской власти), ориентированной на установление абсолютизма и подчинение ей феодальной (боярской) аристократии. Этот подход, по мнению Голобуцкого, можно было бы распространить и на сторонников политической централизации в рамках шляхетского республиканизма.

---

35 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 20.

36 Там же. Л. 77–78, 90.

37 Там же. Л. 98.

38 Там же. Л. 109.

39 Там же. Л. 80–81.

Центральным вопросом в выступлениях советских рецензентов макета второго тома «Истории Польши» стала проблема «роли сословий и классов в освободительном движении» России и Польши. Мы не случайно поместили эту формулу в кавычках, ибо она текстуально повторяет заглавие известной статьи В. И. Ленина⁴⁰, в которой, так же как в ряде других его работ, были изложены основы концепции истории русского освободительного движения, дан анализ его программных установок, движущих сил и периодизации. Начиная именно со второй половины 1950-х гг. выдвинутые Лениным положения послужили основой для широкой дискуссии в советской историографии об истории революционного и общественного движения в России со времени восстания декабристов. В ходе этой дискуссии был отвергнут ряд сталинских установок, а главное — создана широкая картина противостояния царизма и русского освободительного движения. Применительно к рассматриваемым нами вопросам наиболее существенное значение имеет анализ дворянского (1825–1861 гг.) и революционно-демократического (1861–1895 гг.) этапов. Именно вокруг содержания этих этапов применительно к истории Польши и развернулась дискуссия в Институте славяноведения в связи с обсуждением макета второго тома.

В центре внимания советских рецензентов были события Краковского восстания 1846 г. и Январского восстания 1863 г., в последнем случае — прежде всего на землях Литвы и в Белоруссии. Говоря об описании во втором томе восстания в Кракове (авторства С. Кеневича), И. М. Нефедов с одобрением отозвался о преодолении «прежних ошибок шляхетско-буржуазной историографии, которая принижала самостоятельную роль польского крестьянского движения и приписывала его начало интригам австрийской бюрократии». Однако, конкретизируя тезис о провокационной тактике австрийских властей, использовавших крестьянское движение для разгрома шляхетских повстанческих отрядов, советский историк упрекнул Кеневича, что тот, якобы следуя «старому мышлению», воспроизвел имевшее хождение в буржуазной историографии мнение, что австрийская администрация Галиции намеренно не арестовала шляхтичей-заговорщиков, чтобы использовать подготавливаемое восстание для разгрома освободительного движения и для ликвидации Краковской республики⁴¹. К проблемам истории Краковского восстания Нефедов обратился также в связи с оценкой деятельности одного из его

---

40 Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 397–399.

41 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 183, 186.

организаторов — Эдварда Дембовского, которого советский историк характеризовал как революционера-демократа и противопоставлял повстанцам из шляхетского лагеря⁴². В этих суждениях нашли отражение дискуссии в советской исторической науке о генезисе революционно-демократического направления в рамках дворянского этапа освободительного движения и о месте крестьянского вопроса в программах дворянских революционных организаций как среди декабристов, так и в студенческих организациях 1830–1840-х гг. Именно в этой проблеме коренилось расхождение во мнениях С. Кеневича и И. М. Нефедова. Советский историк отказывался признать «шляхетские элементы» Краковского восстания «прогрессивными» и, напротив, утверждал, что шляхта осознанно «демобилизвала прогрессивных деятелей», дойдя на этом пути «аж до простого предательства», тогда как, по мнению Кеневича, к участию в восстании шляхту побудили, с одной стороны, страх перед террором австрийских властей в Галиции и «стремление предотвратить начало аграрной революции» — с другой⁴³.

Обращает на себя внимание, что существенных расхождений между тезисами Нефедова и Кеневича не было. И тот и другой выдвинули на первый план проблему крестьянской революции, что само по себе уже знаменовало переход от эпохи дворянской революционности к революционно-демократическому периоду освободительного движения. Проблема же сущности этого перехода и его протекания во времени остается и после 1957 г. почти на три десятилетия дискуссионной и в советской, и в польской историографии.

Проблемы истории Польского восстания 1863–1864 гг. в выступлениях советских участников дискуссии были сосредоточены главным образом вокруг повстанческого движения на землях Литвы и Белоруссии и были связаны преимущественно с оценкой роли в восстании шляхты (дворянства) и крестьянства. Этим вопросам на апрельском обсуждении 1957 г. Ю. И. Жюгжда посвятил доклад, в основу которого была положена его же статья 1954 г. о «демократическом движении в Литве» в 1860-е годы. Движущую силу повстанческого движения, по мнению автора, составляли «крестьянские массы, выступавшие “против царизма” и “польских феодалов”»⁴⁴. Говоря о

---

42 Там же. Л. 183–189.

43 Там же.

44 См.: *Жюгжда Ю. И.* Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения // *Исторические записки.* 1954. Т. 45. С. 183–200.

макете второго тома «Истории Польши», Жюгжда настойчиво возражал против тезиса польских авторов о национально-освободительном характере восстания шляхты в Литве, поскольку дворянство и аристократия провинции, подчеркивал советский историк, не выдвигали иных требований, помимо объединения Литвы с Царством Польским, а следовательно, руководствовались исключительно «классовыми» (сословными) интересами⁴⁵. Вместе с тем он не устал возвращаться к тезису, что самостоятельную и решающую роль в восстании сыграло крестьянское движение, правда, не отрицая позитивной, хотя и непоследовательной, политики повстанческого правительства в крестьянском вопросе⁴⁶. Вместе с тем Жюгжда постоянно настаивал на недопустимости впечатления, что царское правительство якобы проводило политику крестьянского цезаризма, а в среде крестьянства будто бы сохранялись «царистские иллюзии».

В оценках участниками дискуссии 1957 г. восстания 1863–1864 гг. проявились те же тенденции, что и в характеристике Краковского восстания 1846 г., и вместе с тем осознание необходимости глубокого изучения кризиса конца 1850 — начала 1860-х гг. в России и в Польше, что нашло отражение в целом ряде фундаментальных работ в советской и польской историографии 1960-х и 1970-х гг. В частности, в рамках соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской академией наук 1957 г. была предусмотрена многотомная публикация документов и материалов Польского восстания 1863–1864 гг.⁴⁷

Принципиальное значение в рассматриваемой дискуссии приобрели проблемы истории культуры. Надо сказать, что в 1950-е годы в обобщающих трудах советской и польской историографии, в которых явно преобладала социально-экономическая и социально-политическая проблематика, разделы по истории культуры выглядели как некое хотя и обязательное, но явно стоящее особняком по отношению к основному тексту приложение. Так было и в случае с рецензируемым макетом второго тома «Истории Польши». Однако с точки зрения марксистской концепции исторического процесса вопросы культуры имели принципиальное значение, поскольку феномены культуры, в

45 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 123.

46 Там же. Л. 132–142.

47 Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в СССР и Польше). М., 2011. С. 41.

отличие от иных явлений общественной жизни, не исчезают в процессе исторического развития, а, приобретая новые формы, составляют культурный (ценностный) потенциал человечества. Вместе с тем, согласно марксистским воззрениям, культура играет важнейшую роль в функционировании надстройки в системе общественно-экономической формации, и, главное, последняя обладает важной способностью существенного обратного влияния (как и надстройка в целом) на систему производственных отношений (способа производства). Указанные обстоятельства свидетельствуют о принципиальной важности проблем истории культуры в материалистическом понимании истории и в марксистской историографии, о чем, в частности, свидетельствуют и развернувшиеся начиная с 1950-х гг. дискуссии по проблемам истории культуры и в СССР, и в Польше.

Говоря об освещении истории культуры в макете второго тома, Е. И. Корнейчик подчеркивал «особую сложность» обсуждаемых проблем и вместе с тем настоятельно рекомендовал отразить в книге «классовые позиции» отдельных представителей культуры и искусства⁴⁸ с точки зрения ленинской концепции «двух культур» — демократической культуры и культуры господствующего класса — в классовом обществе. Высказанные по разным поводам ленинские суждения по вопросам культуры отличаются значительной противоречивостью, что, помимо политической конъюнктуры, объясняется в первую очередь глубокой внутренней противоречивостью самого феномена культуры. Не вдаваясь в анализ тех или иных тезисов Ленина, укажем только, что конкретный анализ явлений культуры и процессов ее развития вызвал к жизни, начиная со второй половины 1950-х годов, дискуссию среди самого обширного круга специалистов и в СССР, и в Польше. О напряженности этой дискуссии свидетельствовало хотя бы то, что только определений понятия «культура» в 1960–1970-е годы насчитывалось проводившими такого рода подсчеты специалистами — более сотни. Возвращаясь же к ленинской концепции «двух культур», можно констатировать, что в процессе культурного развития эта двойственность проявилась как более или менее выраженная диалектическая тенденция. Поэтому требование безусловного «классового» размежевания применительно к явлениям и деятелям культуры можно расценить как проявление догматизма, но проявление объяснимое в контексте упомянутой развернувшейся дискуссии по проблемам истории культуры. К тому же требование

---

48 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 112–113.

Корнейчика не нашло поддержки в выступлениях других советских участников дискуссии.

Так, Б. Ф. Стахеев сосредоточил внимание на проблемах трактовки в макете таких категорий культуры, как классицизм, сентиментализм и романтизм. При этом советский литературовед, как и польские авторы, исходил из принципиального тезиса, что названные категории, будучи в исходном своем значении обозначением творческого метода художественного творчества, одновременно характеризовали соответствующую историческую эпоху. Так, например, классицизм и сентиментализм соответствовали веку Просвещения и через эпоху «Бури и натиска» проложили дорогу романтизму как творческому методу и форме мировоззрения, соответствующим исторической эпохе, начало которой было положено Великой французской революцией. Таким образом, творческий метод и эпоха развития культуры естественным образом выступали в единстве с исторической эпохой крушения «старого порядка» (феодального строя). Рассматривая романтизм как явление культуры и мировоззренческую форму революционной эпохи, Стахеев указывал на его ярко выраженные революционную и консервативную тенденции. Вопреки мнению польских авторов труда, полагавших, что обе эти тенденции в равной мере нашли отражение в польской культуре, Стахеев пришел к заключению, что польский романтизм носил преимущественно реакционный характер⁴⁹. Однако этот вывод советского ученого основывался главным образом на свойственном польским романтикам мистицизме, что представляется все же хотя и существенным, но односторонним суждением.

Мировоззренческие проблемы эпохи романтизма были в центре внимания философа, представлявшего в дискуссии Московский университет, — И. С. Нарского. Свое выступление он начал словами об отказе от догматических установок предшествующего десятилетия и констатировал, что проблемы истории общественной мысли в рассматриваемом труде польских ученых представлены на более высоком уровне, нежели это было, например, в изданной в СССР «Истории Чехословакии», работа над которой была начата еще в конце 1940-х гг.⁵⁰ Вместе с тем, говоря об историческом развитии общественной мысли и философии как научного знания, он не только одобрил исторический подход польских авторов в описании явлений и тенденций общественной мысли, но и настаивал на классификации последних

---

49 Там же. Л. 200–208.

50 Там же. Л. 55.

как «прогрессивных» и «реакционных» в контексте марксистского разрешения «основного вопроса философии», то есть с точки зрения противостояния материализма и идеализма, а также диалектики и метафизики. Развивая эту мысль, И. С. Нарский критиковал польских коллег за то, что в макете второго тома «не представлены противники прогрессивных мыслителей»⁵¹. Это замечание советского философа можно трактовать только в пользу исторического подхода к истории философии, в рамках которого должны изучаться все течения научной и общественной мысли, разумеется, с учетом их корректной научной оценки. Вместе с тем Нарский позитивно оценил критику польского мессианства, данную авторами тома в разделе «Польская культура в 1832–1849 гг.». По его словам, «содержание раздела существенно отличается в лучшую сторону от прежних очерков истории польской философии»⁵².

В выступлении Нарского особое место принадлежало Эдварду Дембовскому, вероятно потому, что за несколько лет до описываемой дискуссии он опубликовал посвященную Дембовскому монографию⁵³. Советский историк общественной мысли полагал, что его герою уделено в макете второго тома недостаточно внимания. В частности, он считал, что Дембовский не только преодолел идеализм, как писал польский автор Е. Едлицкий, но и «стихийно, несознательно развивался в направлении материализма»⁵⁴. Также достаточно путано и противоречиво рассуждал Нарский о воззрениях и идейной эволюции Хенрыка Каменьского, Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого. Поэтому некоторые из его высказываний даже встретили возражения со стороны других советских участников дискуссии. Не останавливаясь в деталях на этой преимущественно схоластической полемике, отметим только, что обсуждение вопросов развития общественной мысли проходило хотя и в рамках марксистской методологии, но все же, что принципиально важно, в обстановке свободной и открытой дискуссии.

Обращает на себя внимание, что в ходе дискуссии в Институте славяноведения участвовавшие в ней сотрудники института держались в тени, предоставляя первые роли ученым из Белоруссии, Литвы, Украины, а также представителям Московского университета и Института истории АН СССР. Славяноведы В. Д. Королюк и И. С. Миллер вы-

---

51 Там же. Л. 56.

52 Там же. Л. 66–70.

53 Нарский И. С. Мировоззрение Эдварда Дембовского. М., 1954.

54 Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 185. Л. 61–65.

ступили в конце обсуждения и сосредоточили внимание на вопросах, поставленных другими участниками. В. Д. Королюк, говоря об отмеченном в ходе обсуждения «влиянии» на польских авторов «шляхетско-буржуазной историографии» (классической польской историографии XIX в. и историографии 1920–1930-х гг.), подчеркивал, что такое впечатление могло сложиться вследствие «перевеса» в томе политической истории в сравнении с социально-экономической проблематикой, что, по его словам, обусловлено спецификой польской историографии на протяжении всей истории ее развития. Королюк указывал, что эта черта свойственна «историческому сознанию малых народов, придающих особое, иногда преувеличенное значение героическим страницам своей истории». К чувствам такого рода, констатировал советский историк, специализировавшийся в области истории Средних веков и раннего Нового времени, следует относиться с пониманием и «спокойно смотреть на наличие этих традиционных элементов в марксистском видении истории — другое отношение было бы ошибкой»⁵⁵.

В. Д. Королюк говорил также, что «чувствует себя несколько смущенно» в связи с излишне критичной оценкой исторической роли польской магнатории. Это, по его словам, вело к «чрезмерному упрощению исторической реальности». Он указывал на участие ряда представителей магнатских родов в движении в пользу политических реформ, а также, «что особенно важно», на то, что они «инициировали прогрессивные экономические перемены». Таким образом, полагал Королюк, «не вся магнатория была реакционной»⁵⁶. В этом высказывании нашло отражение не только стремление советского ученого к созданию многогранной картины исторического прошлого, но и применение важного методологического принципа «восхождения от абстрактного к конкретному», что позволяло раскрыть диалектическое взаимодействие между обобщенными теоретическими (абстрактными) представлениями и уникальной многообразной исторической действительностью, картина которой формируется в конкретно-исторических исследованиях. Об этом также шли активные дискуссии в советской исторической науке начиная с рубежа 1950–1960-х гг.

Подчеркнуто умиротворяющие ноты звучали в рецензионном докладе и в заключительном слове И. С. Миллера. Он указывал, что те или иные высказанные критические замечания не влияют на общую положительную оценку труда польских коллег, что рассмотренный

55 Там же. Л. 190–191.

56 Там же. Л. 194–196.

том отличает «новаторский характер». При этом он обратил внимание на принципиально важное обстоятельство, что те же самые спорные вопросы, поставленные в ходе обсуждения второго тома, характерны и для советской историографии и что в вопросах, касавшихся российской истории, польские коллеги опирались на труды советских авторов⁵⁷. И. С. Миллер призывал избегать поспешной и неконструктивной критики, которая была, по его словам, «следствием прочтения макета за короткое время». Возражая И. М. Нефедову, он утверждал, что, указывая на отмеченные рецензентами ошибки, следует сослаться на результаты собственных исследований, которые опирались бы на более обширный и верифицированный конкретный материал исторических источников, что послужило бы развитию наших общих знаний и совершенствованию научных концепций. Именно так, по словам Миллера, поступили польские коллеги, оказав помощь советским историкам — авторам изданной в СССР «Истории Польши»⁵⁸. Из этого высказывания можно заключить, что обсуждаемые проблемы ранее неоднократно уже были рассмотрены сотрудниками Института славяноведения и Института истории ПАН. Это способствовало как взаимопониманию советских и польских коллег, так и выработке предварительно в определенной мере общих позиций ко времени апрельской дискуссии 1957 г. в Институте славяноведения.

Надо также сказать об особой позиции И. С. Миллера и его школы в отношении польской исторической науки и польской историографии. Он обоснованно считал, что польская историческая наука, наряду с классической российской и продолжившей ее традиции советской наукой, принадлежит к числу наиболее развитых и передовых национальных историографических школ, что польской науке в области изучения истории Польши по объективным причинам принадлежит несомненный приоритет. Признание этого неоспоримого факта должно было стать, по его мнению, основанием взаимообогащающего сотрудничества между советскими и польскими историками с выстраиванием позитивных личных отношений. Эта его позиция проявлялась, в частности, в таких, казалось бы, малозначительных шагах, как внедренное по его настоянию использование польской терминологии и в отказе от традиционно принятых в российской и советской историографии терминов в случае, если они не совпадали с польскими. Например, Миллер установил традицию в Институте славяноведения

---

57 Там же. Л. 215.

58 Там же. Л. 211–212.

употребления названия Королевство Польское вместо традиционного Царства Польского. Он настаивал на написании польских собственных имен, руководствуясь фонетическими нормами польского языка, даже вопреки традициям, сложившимся в отечественной историографии. Причем этим отнюдь не ограничивались признанные им и внедряемые в отечественную историческую науку приоритеты польского исторического знания. Эта особенность подходов Миллера к исследованиям была, разумеется, известна его польским коллегам и встречена ими с признательностью. Надо сказать, что такая своего рода тактичность видного советского ученого и организатора науки способствовала решению многих важных и принципиальных вопросов. Свидетельство такого подхода Миллера мы встречаем и в исследуемой стенограмме апрельской дискуссии, когда он, говоря о выступлении Ю. И. Жюгжды, высказался против «попыток навязывания польским товарищам советской терминологии»⁵⁹.

Выступая с заключительным словом, И. С. Миллер заявил, что высказанные им замечания должны лечь в основу редактирования итоговой стенограммы, которая нуждается «в пересмотре и исправлении», прежде чем она будет отправлена в Польшу⁶⁰. Об этом говорил и И. А. Хренов — в то время заместитель директора Института славяноведения⁶¹. В этих словах председательствовавшего на обсуждении И. С. Миллера прозвучало не только намерение смягчить некоторые, возможно, неприятные для польских коллег высказывания, но и стремление его самого провозгласить себя неким главным арбитром среди советских специалистов по польской истории и в отношениях советских ученых с польскими коллегами. В каком виде в итоге стенограмма была отправлена в Польшу, нам неизвестно. Однако некий ее экстракт лег в основу публикации на страницах журнала «Вопросы истории» — официального правительственного органа СССР. Надо отметить, что сообщение В. Д. Королюка и Н. П. Митиной «Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома “Истории Польши”, подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук»⁶²

---

59 Там же. Л. 219.

60 Там же. Л. 210.

61 Там же. Л. 223.

62 *Королюк В. Д., Митина Н. П.* Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук // *Вопросы истории.* 1957. № 7. С. 207–210.

вышло из печати в июльском номере журнала, уже после итогового обсуждения второго тома «Истории Польши» польскими историками 14–17 апреля 1957 г. на конференции в Сулеюевке. Дискуссия на этой конференции заслуживает специального исследования, поскольку, по единодушному мнению польских историков, она проходила под влиянием общественного движения и общественных настроений в Польше периода кризиса 1956 г. и сыграла выдающуюся роль в преодолении негативного наследия сталинизма для польской исторической науки⁶³. На конференции присутствовала делегация советских историков в составе И. С. Миллера, В. А. Голобуцкого, В. К. Яцунского. Судя по упомянутой публикации в «Вопросах истории», никаких существенных разногласий между советскими и польскими историками по содержанию второго тома «Истории Польши» тогда не возникло. В противном случае это сообщение на страницах ведущего советского исторического журнала не было бы опубликовано. Не выявлено и каких-либо принципиальных изменений в структуре и содержании упомянутого тома, хотя польские авторы в редакционном порядке и учли ряд замечаний советских рецензентов.

Таким образом, можно заключить, что поднятые советскими и польскими учеными вопросы истории как Польши, так и России эпохи Нового времени (до периода великих реформ 1860-х гг.), прозвучавшие в ходе апрельской дискуссии 1957 г. в Москве в Институте славяноведения, отражали общие для польской и советской исторической науки направления научного поиска и не имели ничего общего с идеологическим или политическим контролем «советских товарищей» в отношении польских коллег, как это иногда изображается в новейших работах польских авторов по истории польской исторической науки. Вместе с тем среди польских историков, специализирующихся в области польской историографии и истории науки, получила распространение точка зрения, согласно которой определяющее влияние советских идеологических концепций на польскую историческую науку было реализовано опосредованно через внедрение в польскую историографию так называемого «интерпретационного канона». Применительно к описанной апрельской дискуссии 1957 г. в Институте славяноведения, посвященной периоду 1760–1860-х гг., упомянутый канон нашел выражение, в частности, в замечаниях советских историков, что движения народных масс имманентно играли

---

63 См.: *Czyżewski A. Proces destalinizacji polskiej nauki historycznej w drugiej połowie lat 50. XX wieku. Warszawa, 2007.*

«прогрессивную» роль в истории, напротив, шляхта, а в особенности — магнатерия, защищая эгоистические сословные и классовые интересы, выступали как оплот реакции и проводили антинародную политику⁶⁴. Якобы в силу этого интерпретационного канона, согласно воззрениям новейшей польской историографии, национально-освободительное движение на польских землях трактовалось как «прогрессивное», «антифеодалное», самостоятельное крестьянское движение, направленное как против царизма, так и против «феодализма». Поражение же польского национально-освободительного движения на польских землях, захваченных как Россией, так, и Австрией и Пруссией (от восстания Тадеуша Костюшко и до Январского восстания 1863 г.), якобы стало следствием «национального предательства» шляхты и магнатерии.

Что же скрывается за понятием «интерпретационный канон» и какое значение обозначенные этим понятием явления имели для исторической науки? С одной стороны, согласно марксистскому материалистическому пониманию истории, внутреннее самодвижение исторического процесса обусловлено классовыми противоречиями в обществе. Последние, в конечном счете (хотя в разной степени и форме), определяют содержание всех явлений материальной и духовной жизни общества. На этих основаниях перед историком-исследователем встает задача на основе изучения конкретного исторического материала описать процессы развития, обусловленные иерархической системой противоречий, сущность которой определяется фундаментальным антагонистическим противоречием, лежащим в основе развития общества (данной общественно-экономической формации). Разумеется, перед отдельным историком не стоит задачи всеобъемлющего и полного изучения данной системы. Как правило, отдельный исследователь делает предметом своего изучения некий более или менее значительный фрагмент указанной системы. Однако, работая над разрешением отдельной (частной) проблемы, он не может не иметь в виду систему в целом и не опираться на общую теорию ее функционирования. В этом заключается, говоря упрощенно, марксистский метод исторического познания. Если исходить из того, что в этом и заключается содержание «интерпретационного канона», то ничего канонического в марксистской методологии нет. Она не привнесена в науку извне и не обусловлена никакими иными основаниями, кроме оснований в самой науке. В частности, с этой точки зрения не со-

---

64 *Grabski A. F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2010. S. 211–212.*

ставляет серьезных затруднений ответить на вопрос о «прогрессивности» крестьянских движений в эпоху феодализма. Какие бы конкретные проявления и формы ни принимали крестьянские «бунты, бессмысленные и беспощадные», они побуждали господствующие сословия к совершенствованию форм классового господства (классовой эксплуатации), что в целом в первой половине XIX в. привело к формированию на востоке Европы крестьянского вопроса, ставшего фундаментальной общественно-политической проблемой.

С другой стороны, всякой научной школе свойственно явление научного авторитета и сопровождающих его эпигонов. Это явление не обошло и национальные историографии, и отдельные научные направления исторических знаний. Как правило, именно особенности методологии и послужили основой формирования таких школ. Их адепты, стремясь зафиксировать свою принадлежность к данному направлению или школе, нередко прибегают к цитированию авторитетов (классиков), к использованию характерной терминологии, не заботясь о методологической последовательности собственных позиций. Такого рода догматические проявления были присущи марксизму в равной мере, как и другим фундаментальным теориям и направлениям исторической мысли. С этой точки зрения рассматривать «интерпретационный канон» как проявление некой догматической тенденции в марксистской историографии вполне допустимо. Однако очевидно, что он не был директивно навязан польским историкам со стороны их советских коллег. И тем более он не определял характер дискуссии в Институте славяноведения по проблемам истории Нового времени Польши и России, хотя в некоторых случаях и нашел в ней отражение.

Источники и литература

Архив Российской академии наук (Архив РАН).

Горизонтов Л. Е. «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // *Славяноведение*. 1993. № 6. С. 50–66.

Горизонтов Л. Е. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая наука // *W kręgu historii historiografii i polityki*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. S. 103–126.

Жюгжда Ю. И. Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения // Исторические записки. 1954. Т. 45. С. 183–200.

Королюк В. Д., Митина Н. П. Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской Академии Наук // Вопросы истории. 1957. № 7. С. 207–210.

Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в. / под ред. Н. М. Дружинина. М.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэгиз), 1959–1968. Т. 1–10.

Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 397–399.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125–347.

Нарский И. С. Мироззрение Эдварда Дембовского / под ред. И. С. Миллера. М.: Изд-во Московского университета, 1954. 291 с.

Носов Б. В. Стефан Кеневич (1907–1992). К 100-летию со дня рождения // Столица и провинция в истории России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2008. С. 23–30.

Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в СССР и Польше) / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Институт славяноведения РАН, Комиссия историков России и Польши, 2011. С. 13–52.

Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935 (Труды Института истории науки и техники. Сер. II. Вып. 4). 322 с.

Фрейдзон В. И. Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70–80-е годы (Историографические заметки) // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 7–34.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1937. Т. 16. Ч. 1. С. 440–450.

Czyżewski A. Proces destalinizacji polskiej nauki historycznej w drugiej połowie lat 50. XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. 120 s.

Grabski A. F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. 277 s.

Historia Polski: opracowanie zbiorowe. T. 2, 1764–1864. Cz. 1, 1764–1814 / pod red. Stefana Kieniewicza i Witolda Kuli; [oprac. C. Bobińska et al.]; Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956. 570 s. – (Макег)

Historia Polski: opracowanie zbiorowe. T. 2, 1764–1864. Cz. 2, 1814–1864 / pod red. Stefana Kieniewicza i Witolda Kuli; oprac. C. Bobińska [et al.]; Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956. 861 s. – (Макег)

Romek Z. Polsko-radzieckie dyskusje o «Istorii Polzhi v trech tomach» w latach 1950–1959 // *Klio Polska: studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej* / red. A. Wierzbicki. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2004. S. 169–191.

Rutkowski T. P. Nauki historyczne w Polsce 1944–1970: zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. 630 s.

Stobiecki R. Historia pod nadzorem: spory o nowy model historii w Polsce: (II połowa lat czterdziestych — początek lat pięćdziesiątych). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1993. 147 s.

Stobiecki R. Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana: studia i szkice. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2007. 361 s.

Szumski J. Kulisy tworzenia nowej marksistowskiej “Historii Polski” w latach 1950–1958 // *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki : polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* / red. L. Zasztowt. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2013. S. 245–262.

Szumski J. Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2016. 429 s.

References

Bobińska, C. et al., editors. *Historia Polski: opracowanie zbiorowe. Vol. 2. 1764–1864. Pt. 1. 1764–1814.* Warsaw: National Scientific Publishing House, 1956, 570 p.

Bobińska, C. et al., editors. *Historia Polski: opracowanie zbiorowe. Vol. 2. 1764–1864. Pt. 2. 1814–1864.* Warsaw: National Scientific Publishing House, 1956, 861 p.

Czyżewski, A. *Proces destalinizacji polskiej nauki historycznej w drugiej połowie lat 50. XX wieku.* Warsaw: Scientific Publishing House of the PAS, 2007, 120 p.

Druzhinin, N. M., editor. *Krest'ianskoe dvizhenie v Rossii v XIX — nachale XX v.* Moscow: Sotsëgiz, 1959–1968. 10 vols.

Èngel's, F. "O razlozhenii feodalizma i vozniknovenii natsional'nykh gosudarstv." *Sochineniia* by K. Marks, F. Èngel's, vol. 16, p. 1, Moscow: Publishing House of Political Literature, 1937, pp. 440–450.

Freïdzon, V. I. "Izuchenie protsessa skladyvaniia natsii v Tsentral'noi Evrope v Institute slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR v 70–80-e gody (Istoriograficheskie zametki)." *Natsiia i natsional'nyi vopros v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of USSR AS, 1991, pp. 7–34.

Gorizontov, L. E. "'Metodologicheskii perevorot' v pol'skoï istoriografii na rubezhe 1940–1950-kh godov i sovetskie istoriki." *Slavianovedenie*, no. 6, 1993, pp. 50–66.

Gorizontov, L. E. "'Metodologicheskii perevorot' v pol'skoï istoriografii rubezha 40–50-kh gg. i sovetskaia istoricheskaia nauka." *W kregu historii historiografii i polityki*. Łódź: Łódź University Publ., 1997, pp. 103–126.

Grabski, A. F. *Zarys historii historiografii polskiej*. Poznań: Poznań Publ., 2010, 277 p.

Koroliuk, V. D., Mitina, N. P. "Obsuzhdenie v Institute slavianovedeniia maketa II toma 'Istorii Pol'shi', podgotovlennogo Institutom istorii Pol'skoï Akademii Nauk." *Voprosy istorii*, no. 7, 1957, pp. 207–210.

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochineniï*, vol. 1. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1953, 513 p.

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochineniï*, vol. 23. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1961, 620 p.

Makarov, N. A., editor. "Soglashenie 1957 goda o nauchnom sotrudnichestve mezhdu Akademiei nauk SSSR i Pol'skoï akademiei nauk". *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol'skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy (Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v SSSR i Pol'she)*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2011, pp. 13–52.

Narskiï, I. S. *Mirovozzrenie Èdvarda Dembovskogo*. Moscow: Moscow State University Publ., 1954, 291 p.

Nosov, B. V. "Stefan Kenevich (1907–1992). K 100-letiiu so dnia rozhdeniia". *Stolitsa i provintsiia v istorii Rossii i Pol'shi*, ed. by N. A. Makarov. Moscow: Nauka, 2008, pp. 23–30.

Romek, Z. "Polsko-radzieckie dyskusje o 'Istorii Polshi v trzech tomach' w latach 1950–1959". *Klio Polska: studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej*, ed. by A. Wierzbicki. Warsaw: Neriton, 2004, pp. 169–191.

Rutkowski, T. P. *Nauki historyczne w Polsce 1944–1970: zagadnienia polityczne i organizacyjne*. Warsaw: Warsaw University Publ., 2007, 630 p.

Stobiecki, R. *Historia pod nadzorem: spory o nowy model historii w Polsce (II połowa lat czterdziestych — początek lat pięćdziesiątych)*. Łódź: Łódź University Publ., 1993, 147 p.

Stobiecki, R. *Historiografia PRL: ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana: studia i szkice*. Warsaw: Trio, 2007, 361 p.

Strumilin, S. G. *Chernaia metallurgiiia v Rossii i v SSSR: tekhnicheskii progress za 300 let*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1935, 322 p.

Szumski, J. "Kulisy tworzenia nowej marksistowskiej 'Historii Polski' w latach 1950–1958." *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki: polsko-ro-syjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.*, ed. by L. Zasztowt, Warsaw: Institute of History of Science of the PAS, 2013, pp. 245–262.

Szumski, J. *Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964*. Warsaw: Institute of History of Science of the PAS, 2016, 429 p.

Zhiugzhda, Iu. I. "Razvitie demokraticeskogo dvizheniia v Litve v 60-kh godakh XIX v. i vliianie na nego russkogo revoliutsionno-demokraticeskogo dvizheniia." *Istoricheskie zapiski*, vol. 45, 1954, pp. 183–200.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.03

Nosov B. V., Marney L. P.

**Methodological discussions of Soviet and Polish historians
in the second half of 1950s
on problems of history of Russia and Poland
in the first half of 19th century: An Episode from the history
of the Institute of Slavic studies of Russian Academy of Sciences**

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Lyudmila P. Marney

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Citation

Nosov B. V., Marney L. P. Methodological discussions of Soviet and Polish historians in the second half of 1950s on problems of history of Russia and Poland in the first half of 19th century: An Episode from

the history of the Institute of Slavic studies of Russian Academy of Sciences // Slavic Almanac. 2021. No. 3–4. P. 407–440 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.03

Received: 09.07.2021.

Abstract

The paper focuses on discussions of Soviet and Polish historians on problems of history of Poland and Russia in the Late modern period. It was exemplified in the debate that took place in the Institute of Slavic Studies in April, 1957 over the second volume of the “History of Poland”, that had been prepared by Polish historians. The discussion reflected some fundamental problems: the crisis of the feudal serfdom system, the genesis of capitalism, the Polish nation-building process, the history of Polish liberation movement and Polish culture in the end of the 18th — the first half of the 19th centuries. The whole discussion was very productive both for Russian and Polish historical science, as it contributed to the elaboration of new methods and theories of studies of history.

Keywords

Russia, Poland, Late modern period, methodological problems, Institute of Slavic Studies, second volume of “History of Poland”, crisis of feudal serfdom system, genesis of capitalism, Polish nation-building process, Polish liberation movement and Polish culture in the end of the 18th — the first half of the 19th centuries.